

Мрибуна молодого журналиста

№ 2
декабрь
1998

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

Счастья и успехов в Новом году!

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК НАДЕЕТСЯ НА ЛУЧШЕЕ

новогодний разговор с ректором М. А. Овчинниковым

— Михаил Алексеевич! На подступах Новый год. Как Вы думаете, что ждет всех нас, Московскую консерваторию?

— Каждый человек надеется на лучшее. Я — не исключение. Я тоже надеюсь на лучшее, во всяком случае на лучшее будущее для консерватории. А вообще-то я считаю, что переход одного года к другому — это событие достаточно условное, потому что отсчет времени, как известно, у разных народов не совпадает. Скажем, у мусульман — один отсчет, у буддистов — другой, у христиан — третий. Поэтому мне, думается, если следующий этап времени, который у христиан связан с Новым годом, пройдет без потрясений, это уже большое счастье.

— С нами все ясно. А каким Вам видится будущее классической музыки?

— Здесь у меня никаких сомнений нет — классическая музыка будет жить столько, сколько будет существовать нынешняя цивилизация, которая, как известна, связана с идеями и идеалами христианства. Если эти идеи исчерпают себя, а предостережения, знамения такого рода уже есть — например, сейчас возникает грандиозная опасность для всего гуманистического развития человечества, скажем, связанная с технологическим изменением мира, с опытами по клонированию человека, с подменой человека механизмами, попыткой решить проблемы человечества без непосредственного участия человека, через его модули — в этом кроется колоссальная опасность для современной цивилизации... Так вот, если человечество сможет побороть искусство такого рода, тогда и классическая музыка будет существовать, как и вообще все искусство, связанное с гуманистической направленностью развития человечества.

— Но пока ведь в массовом сознании, к сожалению, царит популяризм. Есть ли надежда, что изменится массовое сознание?

— Массовое сознание было всегда. Классическая же музыка всегда являлась духовной основой жизни для достаточного узкого круга лиц. Это всегда было элитарное искусство. Но это не значит, что оно существовало только для элиты, так как в конечном счете влияние элиты, аристократии, просвещенных людей на все общество пусть незаметно, но всегда осуществлялось. В обществе ведь очень часто животные инстинкты одерживают верх, но именно элита мешает обществу выплеснуть их, опуститься до варварства. Она как бы нейтрализует массовое сознание, о котором вы верно упомянули. Варварство, низменные инстинкты встречают невидимую преграду в лице настоящих пользователей и носителей искусства, в лице просвещенной части общества. Кстати все общество никогда не бывает полностью просвещенным, но круг таких людей в определенные

моменты становится шире. И если в XX веке такое произойдет — это уже будет огромная победа. Но прирастает просвещенность, как верно подметил А. Солженицын, микроскопически. Во время разного рода социальных потрясений этот круг снова может сузиться. Это пульсирующий круг: он становится то уже, то шире, но никогда не сможет охватить всех.

— Сейчас расплодилось немало любителей, считающих себя профессионалами. Они заняли нишу и настоящим профессионалам трудно пробиться. Раньше хотя бы существовала система распределения после консерватории: с одной стороны, она, может быть, и ограничивала, но с другой — давала возможность устроиться по специальности. Что ждет выпускника в XXI веке?

— За весь XXI век ответить трудно (смеется). Но предположить, что ждет студентов в ближайшие пять-десять лет, могу. Ведь что такое, собственно говоря, распределение? Нужно ясно понимать, что и во всем мире, (я имею в виду, прежде всего, Западный мир, к которому мы так безоглядно стремимся) существует проблема работы. Это нормально. Причем наиболее остро она стоит именно для образованных людей, особенно в области гуманитарных профессий. И у нас, и на Западе в настоящее время возник спрос на молодых людей, которые в совершенстве владеют компьютерной техникой, новыми технологиями. В то же время совершенно явно обострился кризис в области музыкального образования, да и вообще музыкального образования. Я связываю это с тем, что весь мир сейчас переживает падение интереса к духовной жизни. В особенности оно проявляется в США и других англоязычных странах — таких как Австралия и та же Англия. Отчасти это объясняется тем, что человечество вступает в какую-то новую эру технической революции, поэтому все его интеллектуальные силы направлены на то, чтобы осваивать этот новый мир. Но мне хочется верить, что человечество сможет достигнуть какого-то нового уровня технического прогресса лишь тогда, когда снова появится потребность в духовном развитии человека. Ведь так было всегда. Вспомним историю — скажем ту же Англию периода бесконечных промышленных революций. Когда все это происходило, у них духовная жизнь общества буквально затухала. Потом, по достижении определенного уровня, часть общества, что двигала технический прогресс, как бы успокаивалась и выявлялась та часть общества, где царствовал дух, например, в шекспировские времена. Так что я думаю, что в конечном счете в XXI веке снова появится потребность в интенсивной духовной жизни, и студенты, которым сейчас двадцать, лет через тридцать, то есть в зрелом пятидесятилетнем возрасте, будут очень и очень востребованы. Этот расцвет, верю, обязательно состоится. А начнется он лет че-

рез пять-семь, когда страна немного оправится от кризиса.

— В предверии Нового года не хочется затрагивать грустные темы. Но все же не могу не спросить: консерватории грозит платное обучение?

— Ваш вопрос напрямую связан с тем, что грозит нашей стране. Ответить на него довольно сложно, потому что даже в странах с развитой рыночной экономикой, тем не менее, существуют разные подходы к образованию. Скажем, в Германии образование традиционно бесплатное, в Франции — символическая плата за образование, а в Англии — довольно высокая, как в Америке. Я думаю, это связано с традициями и, конечно, с возможностями государства и его граждан. У нас очень слабое государство, просто нищее, поэтому введение платного обучения могло бы стать определенным выходом из положения, зато нарушился бы социальный баланс — за порогом учебного заведения оказались бы многие талантливые люди, а общество перестало бы развиваться. В то же время государство не в состоянии обеспечить ту же консерваторию нормальными средствами. Вдумайтесь, мы уже семь лет не получаем никаких средств от государства, чтобы поддерживать наше здание, наше общежитие. И если бы не деньги, заработанные на иностранных студентах, или, скажем, на аренде Большого зала, мы бы сейчас сидели с вами в темноте. Но государство это не забывает. И, тем не менее, ни по каким статьям вводить платное обучение в настоящее время нельзя. Думаю, и в будущем тоже. Так что, отвечая на Ваш вопрос, могу сказать совершенно определенно: тем, кто учится сейчас в консерватории, платное обучение не грозит. Я имею в виду граждан России. А всем остальным это угрожает. И очень реально!

— Если бы Вы сейчас были студентом, хотелось бы Вам что-нибудь изменить? Что не устраивало бы Вас сегодня?

— Прежде всего не устраивала бы неостребованность моей профессии в обществе. И мне бы хотелось, чтобы руководство консерватории помогло мне с уверенностью смотреть в будущее. Может быть создало бы какой-то фонд, который поддерживал бы музыкантов на первых порах после окончания консерватории. Кстати, мы к этому стремимся, но пока не получается.

— Если бы Вы снова начинали свой путь, выбрали бы Вы вновь профессию музыканта?

— Если честно, не знаю. Когда я начинал заниматься музыкой, когда поступал в Мерзляковское училище, в обществе был такой подъем, было так захватывающе интересно заниматься музыкой, такой был пик концертной музыкальной жизни, такое было количество выдающихся музыкантов, что это создавало атмосферу, в которой было очень желанно находиться. Представьте, когда я в 1965 году поступил в училище, приехав

из Твери в Москву, здесь преподавали и концертировали Рихтер, Гилельс, Юдина (я пианист, поэтому больше говорю о пианистах), еще шел отраженный свет от Нейгауза, недавно скончавшегося. Какие имена! Какие музыканты! Оборин. Зак, Флиер, Коган, Ойстрах... Присутствие этих людей создавало атмосферу, в которую невозможно было не влюбиться! Поэтому я прекрасно осознаю, насколько этот градус сегодня снизился — таких личностей в таком количестве в стенах консерватории сейчас нет. Поэтому мне сложно говорить, как бы я поступил, будь мне сейчас семнадцать. Но есть правда, одно обстоятельство — моя семья. Любовь, вкус к музыке мне привили дома. Поэтому и в этих условиях я все равно бы выбрал музыку.

— А какие недостатки и достоинства Вы находите в нынешних студентах?

Мне кажется недостатки и достоинства людей не связаны со временем. Люди почти не меняются. Вспомните, к примеру, страсти, бушевавшие в произведениях Шекспира. Сегодня все то же. Меняется только антураж, все сопутствующее им. И я не вижу особого контраста между студенчеством нашего и Вашего времени, скорее, просто внешние различия. Но внутренне все одно и то же. Вы совершаете те же ошибки, что и мы, добиваетесь тех же результатов, что и мы.

— «Одной любви музыка уступает...» Вы согласны с классиком?

— «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает...» А Вы продолжите не хотите? «Но и любовь — мелодия...» (смеется). Вот с этим согласен — только в полном объеме!

— Михаил Алексеевич! На протяжении — Ваши новогодние пожелания сплоченному консерваторскому братству?

— На Новый год не хочется быть оригинальным — слишком серьезный праздник! Поэтому говорю просто от сердца: всем желаю здоровья! Это то, что легко теряется, но трудно восстанавливается. А иногда и не восстанавливается совсем. Вместе со здоровьем приходит и любовь, и успех. Случаются, конечно, и срывы, и неудачи, но именно здоровье помогает преодолеть их. Так что прежде всего всем здоровья! И еще я хотел, чтобы все — наши профессора, студенты, сотрудники не отчаивались. Надо находить радости. Надо вырывать радость у жизни. Если поддаваться давлению обстоятельств, то можно погубить жизнеутверждающие силы. Которые есть в каждом из нас. А погубив эти силы, можно изменить свою психику или пойти на поводу тех генов (они также есть у каждого в той или иной пропорции), которые пожирают человека. Надо всегда стремиться к тому, чтобы побеждали только жизнестойкие и жизнеспособные гены! И тогда все будет хорошо!

Беседу провела Ксения Жарко, студентка III курса

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Второй номер, естественно, труднее первого, как, наверное, и последующих. Далее у нас пойдет, надеюсь, как бы по накатанному, а первый шаг был заведомо интересен уже своей новизной. Сейчас же надо упрочить сделанное, не уронив планки. И мы стараемся.

Правда, есть одно благоприятное обстоятельство — этот номер новогодний. Здесь все к месту — серьезное и веселое, разговор о высоком и взгляд на повседневное, можно прозой, а можно и в стихах! Тем более, что впечатлений уходящего года много, а авторам присутствия не только наблюдательность, но и чувство юмора. Правда, проблемное выступление (обязательное задание в курсе) на часто избираемую студентами тему о своей учебе, о неоправданных перегрузках музыковедов, написанное в «греческом стиле» — это впервые! Вообще этюды — малые литературные формы — проблемного, полемического, художественно-оценочного характера, наряду с классической рецензией, для читателя, как кажется, всегда интересны.

И, наконец, какая новогодняя газета без задушевной беседы? В последние дни декабря мы чаще, чем обычно, с пристрастием вглядываемся в будущее, ожидая если не чуда, то хотя бы приятных сюрпризов и всяческих радостей. Желая друг другу счастья и успехов, мы невольно надеемся и на удачу, и на себя, и на всех, кто рядом и сочувствует нам, кто мудрее и сильнее. Так, понимая и разделяя ожидания нашего читателя, наш корреспондент взяла предновогоднее интервью у ректора Московской консерватории профессора М. А. Овчинникова...

Проф. Т. А. Курышева, художественный руководитель «Трибуны»

НА РОДИНЕ ЭНЕСКУ

Музыка на все времена (этюды)

Наконец-то наш оркестр выехал за рубеж! Оркестр студентов Московской консерватории, где первые партии исполняют их профессора. Профессиональный коллектив под названием «Оркестр Большого зала консерватории», в котором слияние молодого темперамента, многолетнего творческого опыта и возможность выступать на прославленной, знаменитой на весь мир сцене, является постоянным залогом успеха.

Идею создания подобного коллектива воплотил руководитель оркестрового класса, профессор Московской консерватории, Леонид Владимирович Николаев. Его стремление к живой творческой атмосфере в учебном оркестре, способствующей воспитанию молодых исполнителей, нашло живейший отклик у наших педагогов. Валерий Попов, Владимир Соколов, Евгений Фомин, Валентин Снегирев — с этими выдающимися музыкантами, как и со многими другими, получили возможность разделить свое репетиционное время нынешние студенты консерватории. Закончив IV курс и освободившись, тем самым, от обязательств по оркестровым программам, некоторые студенты садятся опять в оркестр и проводят там долгие часы.

В программах концертов оркестра прозвучал уже целый ряд великих произведений — фортепианные концерты Прокофьева, 21 симфония Мясковского, «Вестсайдская история» Бернштейна, «Американец в Париже» Гершвина, «Поэма экстаза» Скрябина, «Весна священная» Стравинского. С публичных выступлений оркестра было записано несколько компакт-дисков, к их услугам прибегают и некоторые зарубежные артисты.

Однако первая гастрольная поездка оркестра состоялась совсем недавно — с 19 по 24 сентября коллектив гостеприимно принимала Румыния. Репетиции к поездке закрепились с самого начала учебного года. В качестве солистов-виолончелистов в поездку были приглашены студент консерватории Павел Гом-

зяков (класс проф. Д. Г. Миллера, концертмейстер в группе) и совсем юный музыкант Сережа Антонов, в игре которого, как показали гастроль, уже видна необычайная одаренность и настоящий музыкантский профессионализм.

Первый румынский концерт был выступлением на Международном музыкальном фестивале Дж. Энеску в Бухаресте, где вслед за многими заслуженными коллективами оркестр должен был исполнить произведения современных авторов, а также «Концертная фантазия» Энеску для виолончели с оркестром. Пришедшие на концерт композиторы — Тибериу Олах и Димитриу Капаяну, представители различных творческих направлений, остались вполне удовлетворенными «трудоемкой» интерпретацией их сочинений. Дирижировали концертом Л. Николаев и молодой дирижер из Молдовы Ю. Ботнар. На бис была дана I часть из «Симфонических танцев» Рахманинова, после которой неизменно богатое акустикой помещение концертного зала «Атенеум» огласила буря аплодисментов. Начало румынских гастрольей состоялось.

Программа следующих трех концертов в провинции, проходивших с интенсивностью один концерт в день, была словно рассчитана на единение двух народов: в ней соседствовали «Фантазия» Энеску и «Симфонические танцы» Рахманинова.

Первыми были Яссы — старинный город в румынской Молдавии.

Однако концерт, к началу которого наши музыканты прибыли после долгой дороги, не позволил артистам как следует осмотреться. Выступление на сцене оперного театра с не лучшей акустикой скрыло от публики многое из богатства оркестровой палитры, а самим оркестрантам было неуютно оттого, что они плохо слышали друг друга. Однако хороший уровень подготовки программы вывел концерт на уровень события.

Второй город — Брлат, глухая провинция, населенная, помимо прочего, нищими и бродячими цыганами. Думается, детский дом, радостно встретивший коллектив и городской клуб, в котором не нашлось даже достаточно пультов, надолго останутся под впечатлением от сниженного к ним чуда.

И наконец, Брашов. Цивилизованный европейский город с ландшафтом Инсбрука, с чистыми улицами, красивыми строениями... Последний концерт состоялся в Доме офицеров — колонный зал, интеллигентная публика, стоящие сбоку очарованные студенты. Профессор Николаев был в ударе, оркестранты внимали ему как один большой стройный организм. И вся боль, все страдание автора «Симфонических танцев» хлынули в сердца растроганной публики... Успех! Живой, действительный успех, укрепивший честь и славу Московской консерватории.

Николай Серов,
студент

СУДАРЫНЯ, ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

До чего же легко и приятно, сидя в зрительском зале, рассуждать о том, как нужно вести себя на сцене!

Три непростых дня выдержала аудитория № 21, когда у выпускников-теоретиков проходил госэкзамен. Около восьми раз в день один из них десять минут чувствовал себя «большим человеком» — вихрем пронеслись перед присутствующими мысли, рожденные творческой бессонницей полутора лет. А следующие за ними минут пятьдесят возвращали докладчика в то, уже почти минувшее для него время, в котором он — всего лишь

студент в окружении неизмеримо более умных и разносторонне образованных профессоров.

Интересно и порою больно было наблюдать за тем, как серьезный исследовательский труд (а точнее, его оценка по пятибалльной системе) был поставлен в зависимость от способности его автора выступать перед большой аудиторией. На мой взгляд, ситуации были разные: кому-то повезло с тактичным рецензентом, кто-то «спас» свою работу только за счет умения артистично вести себя на сцене. Кто-то незадачливый «проиграл» этот поединок как раз из-за недостатка внеш-

него обаяния... Ну что сказать? Поучительно. За себя в похожей ситуации через два года я не боюсь, публику люблю с детства. А как быть тем, кто просто здорово и свежо пишет, а вот «защищаться» не умеет? Уважаемые руководители! Вспомните наконец о том, что в наш учебный план не входят лекции по ораторскому искусству, актерскому мастерству и восточным единоборствам. А всем, кому хотя бы один раз в жизни придется еще услышать на помосте двадцать первой аудитории мистический возглас «Сударыня, защищайтесь!», я желаю мужества.

Ирина Зайцева
студентка IV курса ИТФ

«ЖЕНЩИНА В ИНТЕРНЕТЕ...» —

вздыхнул Денис Винцентович, — что может быть ужаснее?

— Да нет же, это в порядке вещей, — поспешно возразила Людмила Михайловна. — Только как бедные дети умудряются вложить в себя столько информации? Я как представлю себе, что это все нужно осознать и перевернуть... Кроме того, с такой скоростью появляются новые программы — их же все нужно успеть освоить!

— Да-да, вот я себе уже 7-й Word установил, — робко вставил Вячеслав Вячеславович, — специальный для 95-го Windows'a.

— А в Exce11'e, кстати, Вы уже умеете таблицы делать? — поинтересовался Евгений Владимирович.

— К сожалению...
— Ой, а я в этом ничего не понимаю, — махнул рукой Вик-

тор Павлович.

— И очень зря, — в разговор вступил Игорь Константинович. — Я вот уже за этот учебный год почти освоил азы работы в Finale. Очень, знаете ли, полезная штука. В конце концов, мы же все современные люди.

— Конечно, — поддержал Юрий Николаевич, — современный музыкант должен уметь разбираться в новых технологиях. А по компьютерной сети, кстати, можно удобно и быстро связаться с музыкантами из других стран! — Он радостно посмотрел на окружающих.

— Да, но до Америки (ведь она ушла в этом далеко вперед) нам еще очень и очень далеко, — Светлана Юрьевна улыбнулась, — Знаете...

— Ничего, догоним когда-нибудь, — вступилась за Родину

Татьяна Суреновна, — Вы, кстати, Евгений Владимирович, на каком принтере таблицы печатаете — на матричном или струйном?

— Если себе, то на струйном, а студентам — на матричном.

— А зачем студентам вообще что-либо печатать? — Ирина Арнольдовна пожалала плечами. — Я обычно все диктую — библиографию, списки, вопросы... А то еще совсем писать разучается.

— Нет, ну нельзя же так отставать от жизни, — возмутился Михаил Александрович (умолчав, что дальше DOS он сам еще не ходил), — нужно использовать по возможности все технические возможности. Правда, Виктор Павлович?

— Правда, — ответил Виктор Павлович и опустил монетку в кофейный автомат.

Евгения Изотова
студентка IV курса

В ГРЕЧЕСКОМ СТИЛЕ (теоретическое размышление)

Гнев, о богиня, воспой теоретика, критики сына,
Мужа всеславного, разума светлого и многоумного,
И всемогущего (в смысле поденной работы засушной)
Се «невесомое» бремя науки нести предостойно.
Ты, о светлейший, с утра соскребая прискорбно
Сонное тело со жесткого ложа древянного,
Слезно с пуховой подушкой, увы, разлученный, ты мрачно
Верно пути направлень узрешь — в Желтое Здание.
Тот нерушимый веками дворец стерегут неустанно
Бдительно Музы светлейшие, и мастерством богоравные.
Ты их искусство с утра познаешь и до ночи,
Самозабвенно рождая в умище анализы стройные.
А строгостильные соропositioni покойному мэтру
Джованни Пьеру Луиджи да Палестрине, маэстро всеславному,
Смелые опыты те подражаемы будут.
Но оглянись, о достойнейший, ибо узрешь
Сладость и силу воздействия кратких, полетных мгновений,
В кои тебе, возглашающему на семинаре,
Весь теоретиков люд так восторженно внемлет.
Ты, о оратор, вешай вдохновенно, со знанием дела, не важно,
Что сотворенный ночью бессонницей текст ты видишь впервые,
На выступлень. Никто не прознает о том, и лишь промысел высший,
След незаметный, но в подсознании памятный, запечатлеет навеки.
Музыку должен познать ты как Вид Искусства,
А не как просто пустое души развлеченье,
И передать, мелочей не тая, сущность этой науки
В секторе практики, на смену грядущему нам поколению.
О, многоумный, всезнающий брат-теоретик,
Ты расшифруешь когда-то все крюки и невмы,
Ты восстановишь по памяти всю достославну историю музыки:
Русской ли, иль зарубежной — все Мнемосине подвластно;
Ты сотворишь этот нерукотворный труд, а Клио согласно
И многорадостно имя твое в каталог всех великих да начертает.
Ох, теоретик (в том же лице — аналитик),
Балетовед, «композитор» в курсе гармонии и полифонии, он же и критик,
Он расшифровщик и медиовист, палеограф же он и мыслитель,
Младших учитель, конечно же, и музыкант-исполнитель!
И курсовых написатель, и результатов экзаменов он предсказатель,
Он же архивов музейных незаменимый никем изучатель,
Также и практики лекторской он для людей основатель,
Он же эстетик, философ, историк и культуролог, психолог.
Жаль, что пока еще не профессиональный филолог...
Ноша его нелегка, но своя ведь — не тянет! (???)
И этой песнью Искусство Высокое он прославлять не устанет.
Да будут во веки веков расширяться искусства пути и дороги,
Пока, последние силы отдав, не протянет теоретик наш ноги!

Анна Русакова
студентка IV курса